

Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ.

Въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Каменца-Подольскаго въ глухомъ мѣстѣ находится село Приворотье, Ушицкаго уѣзда. Послѣ учрежденія прарославной епископской каѳедры въ Подольской губерніи, Подольскому архіерейскому дому надѣлена была казной ферма въ этомъ селѣ. Часто проживая тамъ и облюбовавъ этотъ уголокъ, первый православный епископъ Подоліи Іоанникій выхлопоталъ учрежденіе здѣсь духовнаго училища, которое было открыто во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія по типу тогдашнихъ духовныхъ училищъ. Въ 40-хъ годахъ оно изъ уѣзднаго духовнаго училища, состоявшаго изъ 4-хъ классовъ, преобразовано было въ приходское духовное училище, но въ 50-хъ годахъ вновь преобразовано въ уѣздное духовное училище съ тремя отдѣленіями: высшимъ, среднимъ и низшимъ, съ шестилѣтнимъ курсомъ. Въ срединѣ 50-хъ годовъ мнѣ пришлось поступить въ это училище въ низшее отдѣленіе. Припоминая теперь впечатлѣнія, вынесенныя изъ училища, я не могу не замѣтить, что тогдашній строй училища и жизни учениковъ его, по сравненію съ нынѣшнимъ строемъ такихъ училищъ, представляется настолько отличнымъ, почти легендарнымъ, что считаю умѣстнымъ воспроизвести эти впечатлѣнія, хотя-бы для того, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ воспитывались тогда люди, готовившіеся быть пастырями православнаго народа. Не претендуя на стройность изложенія, я желаю разсказать только то, что приходилось видѣть и слышать лично.

При поставленіи моемъ въ училище, учительскій персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора (священники) и трехъ учителей; учениковъ же было около 250, которые распредѣлялись по классамъ неравномѣрно: въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ большинство предметовъ преподавалъ одинъ учитель, учениковъ было около 120, въ среднемъ около 70, а въ высшемъ около 60. Большинство учениковъ состояло изъ казеннокоштныхъ. Это были большей частью сироты священниковъ и причетниковъ. Небольшая часть состояла изъ дѣтей священниковъ ближайшихъ уѣздовъ и, наконецъ, самая меньшая часть учениковъ—изъ дѣтей лицъ, не принадлежавшихъ къ духовному сословію, которые въ спискахъ учениковъ числились подъ рубрикой „свѣтскаго званія“. Большой частью это были дѣти крестьянъ сосѣднихъ селъ и отчасти мелкихъ дворянъ, состоявшихъ на службѣ въ качествѣ „офиціалистовъ“. Въ числѣ такихъ учениковъ были и католики. Кромѣ того, въ спискахъ учениковъ числились еще „архіерейскіе пѣвчіе“, которые никогда не посѣщали училища и жили въ архіерейскомъ домѣ въ губернскомъ городѣ, но переводились по спискамъ безостановочно изъ класса въ классъ. Ученики „свѣтскаго званія“ не обязаны были изучать потное пѣніе, обязательное для остальныхъ учениковъ. Доступъ въ училище открытъ былъ для учениковъ не только изъ жителей Подольской губерніи, но и сосѣдней Бессарабіи. Этихъ послѣднихъ учениковъ въ мое время было около 10. Смотрителемъ училища былъ священникъ В. Это былъ челоуѣкъ среднихъ лѣтъ, по окончаніи духовной академіи прослужившій на учебномъ поприщѣ уже около 20 лѣтъ, но по своему характеру меньше всего пригодный для педагогической дѣятельности, а тѣмъ болѣе для того, чтобы стоять во главѣ учебнаго заведенія, которымъ онъ управлялъ единолично, такъ какъ остальные учащіе, за исключеніемъ инспектора, не несли административныхъ обязанностей. По природѣ добрый и безхарактерный, онъ часто и сильно раздражался и въ это время способенъ былъ запоротъ провинившагося ученика, не задумываясь надъ степенью его вины. Напримѣръ, преподавая латинскій языкъ, онъ всегда раздражался, когда уче-

никъ произнесетъ слово „его“ съ удареніемъ не на первомъ слогѣ, а на послѣднемъ, что соотвѣтствовало произношенію этого слова на греческомъ языкѣ. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ смотритель кричалъ, что „по-гречески ты знаешь, а по-латински не знаешь,—ловъ!“ . Послѣднее слово наводило ужасъ, такъ какъ обозначало, что ученика немедленно будутъ сѣчь розгами. При этомъ число ударовъ розгами не считалось, но обыкновенно рѣдко бывало меньше 10. Мольбы наказываемаго о пощадѣ еще больше раздражали смотрителя и удлиняли экзекуцію. —Инспекторъ училища представлялъ собой иной типъ. Онъ хотя видимо былъ больной, но никогда не кричалъ, за то съ невозмутимымъ спокойствіемъ приказывалъ пороть розгами и смотрѣлъ на эту экзекуцію спокойно. Правда, онъ наказывалъ гораздо рѣже, нежели смотритель, но за то былъ неумолимъ и, повидимому, совершенно не обращалъ вниманія на мольбы ученика, а иногда посмѣивался. Злость его проявлялась только тѣмъ, что онъ въ минуты раздраженія грызъ свою священническую косу зубами. Третій по старшинству—учитель ариметики О.... Это былъ толстый не по лѣтамъ человекъ, основательно преподававшій свой предметъ, никогда не раздражавшійся, говорившій всегда по-малороссійски, съ улыбкой, наказывающій розгами за всякое незнаніе обыкновенно не болѣе 5 или 6 ударами, во всегда очень чувствительными, за чѣмъ онъ строго наблюдалъ. Свою систему ученія онъ примѣнялъ одинаково строго ко всѣмъ ученикамъ безъ различія разрядовъ и не щадилъ даже своего родного племянника—сироту, воспитывавшагося на его счетъ и принадлежавшаго не къ числу лучшихъ учениковъ. Учитель русскаго языка В. былъ какой-то сонный человекъ. Все его поведеніе въ классѣ, отличавшееся медлительностью и сонливостью, наводило на учениковъ сонъ до тѣхъ поръ, пока не начиналась порка, къ которой онъ также прибѣгалъ, хотя и рѣже, чѣмъ предыдущіе коллеги. Правда, экзекуція эта, благодаря его сонливости, рѣдко бывала мучительной, и случалось, что наказывавшій билъ розгой по полу, а лежавшій на полу ученикъ для виду кричалъ. Но этотъ сонливый учитель, исполняя обя-

занность помощника инспектора, любилъ жаловаться на учениковъ смотрителю, а послѣдній, при своей раздражительности, всегда наказывалъ тяжко того, на кого приносилась жалоба. Защитникомъ учениковъ въ такихъ случаяхъ являлась жена смотрителя, которая, зная вспыльчивый нравъ своего супруга и склонность къ доносамъ, всегда старалась не допускать послѣдняго въ квартиру мужа подъ разными предлогами, если замѣчала, что онъ пришелъ съ жалобой. Однажды случилось, что жена смотрителя не успѣла удалить этого учителя отъ своего мужа, и послѣдній, выслушавъ доносъ, произвелъ жестокую экзекуцію надъ 4-мя учениками высшаго отдѣленія, и это повлекло за собой для смотрителя печальныя послѣдствія, о чемъ будетъ подробно разсказано ниже. Послѣдній по старшинству учитель К., по національности молдаванъ, также представлялъ собой особый типъ. Это былъ недалекій, мелочной и придиричивый человѣкъ, злобно и презрительно относившійся къ ученикамъ и часто любившій прибѣгать къ розгъ, линейкѣ и другимъ орудіямъ, въ родѣ ключа. Правда, онъ не любилъ назначать много ударовъ, но всегда старался потѣшиться надъ своей жертвой. Наказывая линейкой по рукамъ, онъ обыкновенно кричалъ „давай лапу“ и, нанося самолично удары, на стоны и мольбы своей жертвы отвѣчалъ улыбками и насмѣшками. Во время урока „нотнаго пѣнія“ этотъ учитель расправлялся съ учениками большей частью при помощи ключа. Наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ ученики отбивали тактъ рукой, онъ обыкновенно наносилъ удары ключемъ по рукѣ, неисправно отбивавшей тактъ. Поврежденія, наносимыя такими „отбиваніями такта“, часто не заживали долгое время.

Черезъ годъ послѣ моего поступленія въ училище, когда я перешелъ въ среднее отдѣленіе, учитель русскаго языка В. перешелъ на должность учителя ариметики вмѣсто выбывшаго въ священники О. Учителемъ же русскаго языка былъ назначенъ только что окончившій духовную семинарію С. Это былъ новый, очень симпатичный типъ учителя, который никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, относился къ ученикамъ съ любовью и

толково преподавалъ свой предметъ. Симпатіи учениковъ сразу оказались на его сторонѣ. Онъ служитъ до сихъ поръ въ санѣ протоіерея въ деревенскомъ приходѣ, и, встрѣтившись съ нимъ нѣсколько разъ въ послѣдніе годы, я убѣдился, что этотъ чловѣкъ дѣйствительно имѣлъ право на тѣ симпатіи, которыя онъ заронилъ въ сердца Приворотскихъ учениковъ.

При такомъ учительскомъ персоналѣ, уровень преподаванія не могъ быть удовлетворительнымъ. Все ученіе сводилось обыкновенно къ зубренію уроковъ по печатнымъ руководствамъ, которое примѣнялось ко всѣмъ предметамъ, не исключая языковъ и ариѳметики; всякая записка въ отвѣтѣ ученика или отступление отъ текста разсматривалась какъ незнаніе, послѣдствіемъ котораго были: наказаніе розгой, линейкой и стояніе на колѣняхъ. Для ближайшаго контроля надъ занятіями учениковъ существовали такъ наз. „аудиторы“, которые, до прихода въ классъ учителя, обязаны были провѣрить, знаютъ-ли ученики урокъ. „Аудиторы“ эти были изъ лучшихъ учениковъ того-же класса, въ которомъ учились сами, и каждому изъ нихъ назначались обыкновенно по четыре ученика. Для контроля надъ „аудиторами“ заведены были такъ наз. „нотаты“, т. е. классные журналы, въ которыхъ „аудиторы“ должны были ежедневно отмѣчать знаніе или незнаніе уроковъ ввѣренными имъ учениками по каждому уроку отдѣльно. Большинство преподавателей, приходя въ классъ, начинали свою дѣятельность съ просматриванія отмѣтокъ въ „нотатѣ“ и подвергали экзекуціи въ той или иной формѣ всѣхъ отмѣченныхъ „нез.“ (не знаетъ). Чаше всего ихъ цѣлой гурьбой ставили на колѣни. Это учрежденіе „аудиторовъ“ оказывало деморализующее вліяніе на учениковъ въ особенности низшаго отдѣленія, такъ какъ вызывало подкуны „аудиторовъ“ и заискиваніе однихъ учениковъ предъ другими. Больше всего подкупу были доступны казеннокоштные ученики, которые, имѣя плохой столъ, всегда рады были получить въ видѣ подарка кусокъ хлѣба. Такой подарокъ, называвшійся по мѣстному выраженію „бардой“, подписанъ обыкновенно своекоштными учениками, жившими на частныхъ квартирахъ и имѣвшими возмож-

ность захватывать съ собой въ училище запасы хлѣба. „Барда“ эта служила, кромѣ того, мѣновой единицей, которую можно было обмѣнять на пуговицу, перо или другіе предметы скромнаго обихода казеннокоштныхъ учениковъ. Благодаря заискиваніямъ и подкупамъ, „нотаты“ не всегда выражали дѣйствительное знаніе или незнаніе уроковъ учениками. Случалось, что „аудиторы“ платились за неправильную отмѣтку ученика „знающимъ“ урокъ, если учитель находилъ его незнающимъ. Ихъ также наказывали тогда въ той или иной формѣ. Наказаніе розгами совершалось обыкновенно особо избранными для этого по каждому классу учениками, называвшимися „цензорами“, которые обязаны были всегда имѣть въ запасѣ готовые розги или получать ихъ отъ сторожей. Въ случаяхъ, когда наказанію придавалось особо важное значеніе, его производили сторожа, что обыкновенно дѣлалось по распоряженію смотрителя.—О библіотекѣ, изъ которой ученики могли-бы получать книги для чтенія, не было и помину, и если очень рѣдко попадались между учениками другія книги, кромѣ учебниковъ, то они или доставались отъ учителей чрезъ учениковъ, жившихъ у нихъ на квартирѣ, или привозились учениками изъ дому. Послѣдняя категорія чаще всего состояла изъ лубочныхъ изданій въ родѣ „Бовы Королевича“ и „Еруслана Лазаревича“. Разъ только на квартиру, въ которой я жилъ, попала прекрасная книга: „Проповѣди священника Гречулевича“ на малороссійскомъ языкѣ, которая привлекала вниманіе всѣхъ жившихъ со мной учениковъ и даже хозяина нашей квартиры, крестьянина, и всей его семьи. Они очень охотно слушали чтеніе этихъ проповѣдей учениками и часто сами просили почитать имъ „розумну книжку“.

Домашній бытъ учениковъ находился въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ. Въ особенности печально было положеніе казеннокоштныхъ, т. е. бурсаковъ. На полное содержаніе бурсака, т. е. на столъ, пищу, обувь, одежду и учебныя пособія, отпускалось тогда, если не ошибаюсь, 18 р. въ годъ. Такая ничтожная даже и для того времени сумма не давала возможности сколько нибудь сносно содержать учениковъ. Обуви,

напримѣръ, отпускалось настолько недостаточно, что въ некоторые ученики, въ особенности высшихъ классовъ, не имѣвшіе собственныхъ средствъ, ходили босыми во все лѣтнее время. Правда, и между своекоштными учениками низшихъ классовъ нерѣдко попадались такіе, которые ходили лѣтомъ босые. Последнее дѣлалось не только по бѣдности, но и для удобства, и не порицалось начальствомъ. Въ ежедневныхъ журналахъ, которые велись по каждой квартирѣ и каждой отдѣльной комнатѣ казеннаго общежитія, очень часто встрѣчались отмѣтки, что такіе то ученики не были въ классѣ „за неимѣніемъ обуви“. Наибольшей скудостью отличался столъ бурсаковъ. Обѣдъ каждый день состоялъ только изъ борща и каши въ самомъ грубомъ видѣ, а хлѣба никогда не давали въ достаточномъ количествѣ. Для устраненія постоянной голодовки казеннокоштные ученики совершали лѣтомъ тайные, а иногда и открытые набѣги на крестьянскія поля, сады и огороды. На поляхъ наиболѣе излюбленнымъ объектомъ набѣговъ былъ „горохъ“, представлявшій большое лакомство. Тайные набѣги совершались съ такой виртуозностью, что хозяева полей, тщательно охранявшіе ихъ отъ „бурсаковъ“, очень рѣдко изловляли хищниковъ, а если это и удавалось, то по дорогѣ въ училище, куда препровождали пойманныхъ послѣдніе часто ухитрялись уйти, а иногда освобождались открытой силой товарищей, „бурсаковъ“. Но случалось иногда, что пойманнаго приводили къ смотрителю, и тогда неизбежно совершалась самая жестокая экзекуція. Открытыя нападенія на поля и сады совершались обыкновенно среди бѣлаго дня, большой толпой бурсаковъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ силачей. По училищному преданію, среди „бурсаковъ“ во всѣ времена водились силачи, внушавшіе страхъ окрестнымъ крестьянамъ. Въ мое время такимъ сильнымъ былъ Павелъ Г., извѣстный подъ именемъ „Павко“. Онъ отличался сравнительно огромной силой и смѣлостью, которая приобрѣли ему славу непобѣдимаго между крестьянами с. Приворотья. Сначала крестьяне пробовали было задержать „Павка“, но послѣ неудачныхъ попытокъ, окончившихся избіеніемъ крестьянъ, онъ совершалъ свои на-

бѣги съ толпой бурсаковъ, почти открыто и безнаказанно. Къ такимъ открытымъ набѣгамъ прибѣгали только въ крайности, когда тайные оказывались неудачными и награбленные запасы истощались. Тайные набѣги совершались большей частью въ одиночку. Наиболѣе частымъ нападеніемъ подвергался садъ церковнаго старосты, извѣстнаго подъ именемъ „Казько“. Его усадьба находилась недалеко отъ училища и прилежала одной стороной къ полямъ, а другой къ церковному погосту, такъ что представляла много удобствъ для побѣга въ случаѣ опасности. „Казько“ служилъ церковнымъ старостой много лѣтъ и былъ очень популяренъ между бурсаками, но это не спасало его сливого сада отъ хищничества голодныхъ бурсаковъ. При миѣ еще ходило много легендъ о томъ, какъ бурсаки, застигнутые „Казькомъ“ на деревьяхъ, засыпали ему глаза пескомъ, или нюхательнымъ табакомъ и уходили, но въ мое время бурсаки, не прибѣгая къ этимъ легендарнымъ средствамъ, умудрялись однако таскать фрукты и овощи изъ его сада и огорода. Случалось иногда, что „Казько“ ловилъ хищниковъ и представлялъ ихъ своему настоятелю, инспектору училища, который всегда наказывалъ виновныхъ розгами, но это не спасало имущества Казька отъ дальнѣйшихъ хищеній. Независимо того, бурсаки прибѣгали и къ другимъ способамъ для добычи пищи. Вблизи училищнаго зданія обыкновенно крестьянки продавали разные яства, въ родѣ хлѣба, пирожковъ, варениковъ, кнышей, „колотухи“ и т. п. Изголодавшіеся бурсаки, не имѣя денегъ для покупки, иногда обступали торговку цѣлой толпой, забирали весь ея товаръ и моментально убѣгали въ училище. Такія нападенія обыкновенно вызывали жалобы начальству и обыски въ бурсацкихъ номерахъ (комнатахъ), но обыски никогда не обнаруживали виновныхъ, такъ какъ бурсаки, дѣйствуя сообща, всегда успѣвали во-время спрятать концы въ воду. Существовали еще и другіе способы добыванія пищи. Нерѣдко бурсаки устраивали открытыя нападенія на своекоштныхъ учениковъ въ то время, когда послѣдніе являлись въ училище на уроки, и силой отнимали „барду“, т. е. куски хлѣба или другія

яства, принесеннымъ своекоштными для завтрака. Пишущему эти строки не разъ приходилось испытывать на себѣ такія на-силія и лишаться, казалось, хорошо спрятанной „барды“ или пирога. Наконецъ, пища добывалась бурсаками также и путемъ добровольнаго обмѣна своекоштными учениками „барды“ на пуговицы, перья и т. п. Этотъ обмѣнъ носилъ специальное названіе „замохать“. Въ этихъ случаяхъ „барда“ играла роль мѣновой единицы. На нее можно было получить не только предметы нищенскаго обихода бурсаковъ, но также книжку, „переводъ“ урока съ латинскаго или греческаго языка, практическій урокъ нотнаго пѣнія, подкупить аудитора и т. п.

Внутренній бытъ бурсы также былъ безотраденъ. Въ каждой жилой комнатѣ, или такъ называемомъ номерѣ, былъ особый старшій изъ числа учениковъ высшаго отдѣленія, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся для бурсаковъ низшихъ классовъ болѣе жестокимъ начальствомъ, нежели настоящее начальство. По установившемуся порядку всѣ ученики низшихъ классовъ обязаны были говорить ученикамъ высшихъ классовъ „вы“ и оказывать имъ полное повиновеніе. Это повиновеніе выражалось тѣмъ, что младшіе должны были исполнять всѣ черныя работы по уборкѣ комнатъ и чисткѣ одежды и обуви старшихъ и исполнять всѣ вообще приказанія послѣднихъ. Младшимъ приходилось, кромѣ того, таскать воду изъ бочки, стоявшей среди училищнаго двора. Прислуги въ училищѣ было мало, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы, вся же остальная черная работа лежала на ученикахъ низшаго отдѣленія по дежурству. Въ особенности тягостно было положеніе учениковъ низшаго отдѣленія въ отношеніи къ старшимъ. За небольшими исключеніями, старшіе эти, прошедшіе въ свою очередь низшее отдѣленіе, со всѣми его тягостями, отличались полнѣйшимъ произволомъ, самодурствомъ и требовательностью и нерѣдко били учениковъ низшаго отдѣленія, которыхъ называли не иначе какъ „тхуръ“ ¹⁾. Настоящее начальство какъ будто не замѣчало этихъ

¹⁾ Т. е. хорежъ.

ненормальныхъ отношеній, и жалобы „тхуровъ“ на старшихъ не облегчали положенія жалобщиковъ. Правда, жалобы поступали слишкомъ рѣдко, такъ какъ обозлившійся старшій всегда имѣлъ возможность отомстить „тхуру“ очень чувствительно и безнаказанно. Только тѣ ученики низшаго отдѣленія, которые имѣли братьевъ среди учениковъ высшаго отдѣленія, чувствовали гнетъ не такъ сильно, такъ какъ за нихъ было кому вступиться. Кромѣ „старшихъ“, бурсакамъ такъ-же, какъ и своекоштнымъ ученикамъ, доставалось еще и отъ такъ называемыхъ „гомашей“. „Гомашами“ назывались болѣе сильные, смѣлые и назойливые ученики, которые попадались во всѣхъ классахъ и нерѣдко побивали болѣе слабыхъ и скромныхъ товарищей, придираясь за какой-нибудь пустякъ и вмѣшиваясь въ ссоры товарищей. Жалобы на „гомашей“ также были рѣдки, такъ какъ вызывали месть. Вліяніе „гомашей“ проявлялось главнымъ образомъ въ классахъ въ учебные часы.—Такія тяжелыя условія жизни иногда вызывали побѣги бурсаковъ изъ училища, обыкновенно изъ числа худшихъ учениковъ, которымъ жилось хуже другихъ. Иногда бѣглецы уже не возвращались въ училище, а иногда ихъ возвращали родители или родственники, или крестьяне, поймавшіе бѣглеца въ пути. Горе было возвращенному! Онъ обыкновенно подвергался самому жестокому и немилосердному сѣченію. На моей памяти было два случая невольнаго возвращенія въ училище. Оба бѣглеца были тяжело наказаны и по окончаніи учебнаго года исключены изъ училища.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ громадное большинство бурсаковъ отправлялись по домамъ и возвращались въ училище пѣшкомъ, нерѣдко за 200 и за 300 верстъ. Путь изъ училища домой они совершали большей частью безъ всякихъ запасовъ и денегъ и пробавлялись въ пути то даровымъ угощеніемъ, то похищеніемъ развой снѣди. Изъ рассказовъ этихъ путешественниковъ по возвращеніи въ училище приходилось убѣждаться, что путешествія эти мало чѣмъ отличались отъ путешествій гоголевскихъ бурсаковъ, за исключеніемъ, конечно, фантастическихъ приключеній, введенныхъ Гоголемъ въ „Віѣ“. Рассказы эти слу-

жили обильнымъ матеріаломъ для товарищескихъ разговоровъ и свидѣтельствовали о той-же изобрѣтательности и изворотливости бурсаковъ, какія они проявляли и въ училищѣ.

Жизнь своекоштныхъ учениковъ была нѣсколько лучше. Всѣ они жили на частныхъ квартирахъ и имѣли лучшій столъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Гнетъ старшихъ смягчался тѣмъ, что почти всѣ работы по уборкѣ помѣщенія лежали на хозяевахъ квартиръ, которые въ то же время ограничивали власть „старшихъ“. Кромѣ того, своекоштные ученики низшаго отдѣленія имѣли родителей, которые въ крайнемъ случаѣ могли вступить за свое дѣтище и оградить отъ произвола „старшихъ“. Но гнетъ старшихъ все таки давалъ себя чувствовать, такъ какъ и здѣсь ученики низшаго отдѣленія должны были исполнять всѣ приказанія старшихъ, также не чуждыхъ самодурства. Имъ приходилось подавать воду, ходить на другія квартиры по порученіямъ старшихъ, будить всѣхъ учениковъ къ заутрени. Мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ тяжело и непріятно было вставать зимней ночью, задолго до разсвѣта, и караулить на морозѣ, чтобы не пропустить благовѣста къ заутренѣ, несмотря на страхъ, вызываемый ночной обстановкой въ мальчикѣ 8—11 лѣтъ. Квартировали своекоштные ученики большей частью у крестьянъ, даже въ одной комнатѣ съ семьей хозяина. Такая квартира была, въ числѣ прочихъ, у упомянутаго выше „козака“, гдѣ мнѣ приходилось жить. Благодаря такой обстановкѣ и простотѣ нравовъ, ученики низшаго отдѣленія иногда помогали семьѣ хозяина въ домашнемъ быту, напримѣръ, укачивали маленькихъ дѣтей въ люлькѣ и т. п. Только квартиры съ болѣе значительнымъ числомъ учениковъ помѣщались въ комнатѣ, отдѣльной отъ семьи хозяина. Были также квартиры, содержимыя въ видѣ промысла вдовами священниковъ, дьячковъ и т. п. Квартиры у крестьянъ больше привлекали учениковъ, чѣмъ у профессиональныхъ квартиросодержательницъ, такъ какъ отношенія хозяевъ-крестьянъ къ своимъ жильцамъ были проще и лучше и почти никогда не вызывали

жалобъ начальству на учениковъ, а напротивъ здѣсь проявлялось заступничество, тогда какъ профессиональные квартиросодержатели, желая устранить неудовольствія за плохой столъ, жаловались на поведеніе учениковъ начальству. Достоинство квартиръ оцѣнивалось по тому, сколько разъ можно было ученикамъ требовать прибавки кушанья и сала. Обязанность требовать отъ хозяевъ такую прибавку или сала лежала обыкновенно на ученикахъ низшаго отдѣленія, которые, по требованію „старшихъ“ и учениковъ высшихъ классовъ, должны были отпрапляться съ посудой къ хозяйкѣ. Нѣкоторые хозяева и хозяйки-крестьяне сами настаивали на томъ, чтобы ученики за столомъ ѣли побольше, чтобы въ часы, не назначенные для ѣды, ихъ не беспокоили требованіями хлѣба в вообще ѣды. Иногда эти настаиванія вызывались и другими соображеніями. Напримеръ, наканунѣ постовъ, въ такъ называемые „запусты“, ученикамъ подавались скромныя кушанья, главнымъ образомъ „вареники“ въ обильномъ количествѣ, и когда ученики не успѣвали съѣсть до сна всего приготовляемаго, то хозяева будили ихъ ночью для ѣды, чтобы не выбрасывать ея, какъ скромную, на другой день, когда начинался постъ. Жизнь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами оказывала на учениковъ крайне неблагопріятное вліяніе. Жизнь крестьянина, въ особенности тогдашняго времени, вся построена была на предразсудкахъ и суевѣріяхъ, которые регулировали всю его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Благодаря ничтожному просвѣтительному вліянію школы, ученики невольно поддавались вліянію окружающей среды и усваивали ея понятія. Ученики, напримеръ, со словъ своихъ хозяевъ глубоко вѣрили, что дождь, который необходимъ былъ по случаю засухи, задержалъ кто-то въ сосѣднемъ селѣ, что такая-то вѣдьма отняла молоко у коровы хозяина, что когда обрѣзываютъ ногти, то обрѣзки нужно обязательно прятать за пазуху, что когда ночью воютъ собаки, то будетъ моръ и т. п.

Благодаря всей этой обстановкѣ, ученики Приворотскаго училища, даже послѣ перехода ихъ въ семинарію, отличались грубостью и неоспизанностью сравнительно съ учевиками, по-

ступавшими въ семинарію изъ другихъ училищъ, и кличка „Приворотскій ученикъ“ оставалась за ними и въ семинаріи. Всѣ прочія духовныя училища Подольской губерніи расположены были въ мѣстечкахъ, т. е. болѣе культурныхъ центрахъ, и оказывали менѣе вредное вліяніе на воспитаніе учениковъ. Дѣйствительно, Приворотскіе ученики отличались самыми нежелательными качествами. Здѣсь проявлялись, напримѣръ, противостественные пороки. На одной изъ квартиръ у крестьянина въ мое время такой случай былъ ясно обнаруженъ и заявленъ инспектору, но, сверхъ ожиданія учениковъ, не вызвалъ никакихъ мѣропріятій, и обвиняемый ученикъ высшаго класса Х. былъ переведенъ въ семинарію въ числѣ другихъ учениковъ. Дальнѣйшая судьба этого ученика была печальна. Онъ попался въ кражѣ у посторонняго лица и сосланъ въ Сибирь. Жертвой этого порока былъ только что поступившій въ училище ученикъ низшаго отдѣленія изъ молдаванъ, плохо понимавшій русскій языкъ и рассказавшій товарищамъ по простотѣ непонятный ему поступокъ Х. Были и другія проявленія печальныхъ нравовъ. Ученики, жившіе на квартирахъ, также не чуждались набѣговъ на чужіе сады и огороды. На квартирѣ у крестьянина Ивана Ат. съ нами жило нѣсколько человекъ изъ молдаванъ и между ними Г. Однажды осенней ночью, предъ разсвѣтомъ, мнѣ пришлось проснуться отъ какого-то шума. Оказалось, что ночью Г. съ другими моими сожителями отправился за яблоками въ садъ при архіерейской дачѣ, гдѣ ихъ настигъ сторожъ сада, и хищники стали уходить чрезъ сарай, гдѣ Г. такъ сильно ударился головой о что-то твердое, что облился кровью и въ полусознательномъ состояніи доставленъ на квартиру его спутниками. Бѣдный Г. нѣсколько дней пролежалъ дома больнымъ, но начальство не обратило вниманія на причину болѣзни, и Г. благополучно прошелъ курсъ училища. Былъ еще случай такого рода. Въ церкви, во время всенощной, ученикъ высшаго отдѣленія Ф. разсердившись на товарища К., хватилъ его пожемъ въ икру такъ сильно, что К. свалился съ ногъ. Въ церкви произошелъ шумъ, и К. вынесли на рукахъ изъ церкви.

Ф. былъ жестоко наказанъ розгами, но не былъ исключенъ изъ училища.

Печальныя условія жизни учениковъ нѣсколько смягчались съ наступленіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда открывалась возможность свободно гулять по окрестнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ, такъ какъ начальство не стѣсняло учениковъ. Училище находится на краю деревни, за которой расположены поля, а не-вдалекѣ и лѣсъ, манившіе къ себѣ дѣтей. Уроки тогда дѣлились на утренніе и послѣобѣденные. Утромъ было 2 урока, оканчивавшіеся въ 12 часовъ дня, и ученики, выйдя изъ классовъ, спѣшили скоро пообѣдать и затѣмъ въ хорошую погоду отправлялись гулять, куда кто хотѣлъ. Въ три часа начинался послѣобѣденный урокъ, на который стекались ученики изъ полей и лѣсовъ. Въ 4 часа урокъ этотъ оканчивался, и ученики опять спѣшили перекусить чѣмъ попало и снова разбѣгались на просторъ, иногда за 3—5 верстъ. Во время этихъ прогулокъ собирали землянику, клубнику, черешни, полевые овощи и грибы. Продукты эти служили подспорьемъ для питанія, а самыя путешествія, нерѣдко сопровождавшіяся побѣгами, видимо укрѣпляли учениковъ физически и морально. Они вырабатывали силу и ловкость и вѣроятно спасали дѣтей отъ тѣхъ болѣзней и слабосилія, которыя казались неизбѣжными при томъ плохомъ питаніи и тѣхъ печальныхъ гигиеническихъ условіяхъ, какія переживали бурсаки. Кромѣ того, въ теченіе мая бывало нѣсколько прогулокъ, такъ называемыхъ „рекреацій“, отбывавшихся всѣми учащими и учащимися сообща. Обыкновенно съ наступленіемъ мая въ первый ясный день ученики высшаго отдѣленія на первомъ урокѣ объявляли по всѣмъ классамъ, что нужно идти въ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацію. На этотъ кличъ толпы учениковъ всѣхъ классовъ устремлялись къ квартирѣ смотрителя и располагались на ступенькахъ, на крыльцѣ и въ корридорѣ, а пѣвчіе впереди затыгивали спеціально назначенную для этого пѣсню: „Привѣтствуемъ прекраснымъ маемъ тебя, начальникъ нашъ, отецъ“, оканчивающуюся самодѣльной латинской цитатой: „reverendissime

pater, rogatus recreationem". Иногда пѣніе этой пѣсни повторялось нѣсколько разъ, пока появится зритель. Выйдя къ поющимъ, зритель, по природѣ добрый человѣкъ, всегда напускалъ на себя строгій видъ и долго отказывалъ, но усиленные просьбы дѣтей, сопровождавшіяся цѣлованіемъ рукъ и одеждъ, и радостныя фізіономіи дѣтей, надѣявшихся на прогулку, скоро заставляли зрителя сдаться—и рекреція разрѣшалась. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда зритель появлялся дѣйствительно сердитымъ, приемы просителей-дѣтей смягчали его отъ природы доброе сердце, и рекреція всегда разрѣшалась. За три года ученія въ Приворотѣ я не помню случая отказа въ рекреаціи; такихъ рекреацій въ теченіе мая, смотря по погодѣ, бывало отъ 3 до 5. Нужно было видѣть, какой радостью сіяли дѣтскія лица, когда наконецъ зритель соглашался на рекреацію. Крики радости долго раздавались по всему училищу. На другой день послѣ рекреаціи также не было уроковъ, и такимъ образомъ каждая рекреція давала два дня отдыха.

Бывали развлечения и зимой. На масляницѣ обыкновенно устраивался драматическій спектакль, —Заблудшій сынъ королевичъ", приготовленіе къ которому доставляло много радостей. Въ послѣдній день масляницы, вечеромъ, всѣ актеры, въ сценическихъ самодѣльныхъ костюмахъ, съ пѣвчими, „чортомъ" и толпой зрителей, являлись въ квартиру зрителя, и тамъ отбывался спектакль, сопровождавшійся угощеніемъ актеровъ. Роль „чорта" въ мое время исполнялъ ученикъ П., —молдаванинъ. Онъ отличался замѣчательною ловкостью движеній и любовью къ искусству. Въ теченіе всей масляницы онъ единолично выступалъ въ своей роли, бѣгалъ по всѣмъ номерамъ бурсы и тѣшилъ учениковъ. Нерѣдко случалось, что въ костюмѣ „чорта" П. выбѣгалъ на улицу, бросался на перваго прохожаго мужичка и своимъ видомъ заставлялъ его удирать безъ оглядки. Больше всего бывало потѣхъ, когда П. встрѣчалъ крестьянъ другихъ деревень, случайно проѣзжавшихъ мимо училища. Онъ вскакивалъ къ нимъ въ сани или повозку, моталъ рогами, заглядывалъ въ глаза, обнималъ ихъ и нерѣдко приводилъ крестьянъ въ трепеть.

За исключеніемъ этихъ радостныхъ моментовъ, жизнь учениковъ протекала очень грустно. Въ селѣ Приворотѣ не было ни базара, ни почты, ни лавокъ, ни рѣки, ни порядочнаго огорода или сада. Хотя при училищѣ былъ чахлый садъ, но онъ принадлежалъ къ квартирѣ смотрителя, а потому былъ недоступнымъ для учениковъ. При училищѣ былъ также большой прудъ, въ которомъ купались ученики, но пригодное для купанія мѣсто было такъ незначительно, что если купалось одновременно больше 20 человекъ, то становилось очень тѣсно. Была также при училищѣ довольно примитивная баня, но она не оказывала вліянія на гигиеническія условія жизни учениковъ, въ особенности бурсаковъ. Жилыя комнаты бурсаковъ бѣлились только на каникулахъ, но и то не каждый годъ; вентиляція была плохая, и накопывшаяся грязь въ комнатахъ замѣтна была даже для бурсаковъ. Благодаря этому, „чесотка“ въ самой разнообразной формѣ никогда не переводилась въ училищѣ. Были ученики, у которыхъ руки такъ сильно были усѣяны гнойливыми прыщами, что они не могли свободно разгибать пальцевъ. Чесотка водилась главнымъ образомъ у учениковъ низшихъ классовъ, какъ бурсаковъ такъ и своекоштныхъ, благодаря постоянному общенію, но на нее не смотрѣли, какъ на болѣзнь, и не лѣчили. Правда, доктора не полагалось при училищѣ, а только фельдшеръ, но видимо чесотку онъ не считалъ болѣзью, а начальство не обращало на это вниманія.

Отсутствіе лавокъ и почты ставило учениковъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ запасы письменныхъ принадлежностей и другихъ предметовъ домашняго обихода дѣлались дома на всю учебную треть года, и пополненіе необходимыхъ предметовъ совершалось при помощи мѣнковой торговли между учениками. Интересы учебной жизни совершенно не были замѣтны у учениковъ, и жизнь протекала монотонно. Только выдающіяся наказанія волновали на нѣкоторое время умы. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе объ одномъ изъ такихъ выдающихся наказаній. Наканунѣ какого-то праздника четверо учениковъ высшаго отдѣленія, будучи у все-

нощной въ училищной церкви, не пошли цѣловать евангелія, какъ потомъ оказалось, вслѣдствіе неисправности заднихъ частей питановъ. Объ этомъ учитель В., по окончаніи всенощной, донесъ смотрителю, и послѣдній распорядился немедленно наказать виновныхъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ жили въ одной квартирѣ со мной и другими учениками, и когда за ними впопыхахъ прибѣжалъ сторожъ и увелъ въ училище, всѣ мы поняли, что будетъ бѣда. Квартира наша расположена была на пригоркѣ, съ котораго видно было училище и крыльцо квартиры смотрителя. Выйдя на дворъ, мы со страхомъ стали слѣдить за уведенными въ училище товарищами. На нашихъ глазахъ они поднялись на высокое крыльцо квартиры смотрителя, гдѣ уже стояли другіе ученики. Скоро на крыльцѣ появилась хорошо знакомая намъ фигура смотрителя, а затѣмъ мы видѣли, какъ въ воздухѣ что-то стало мелькать и слышались стоны. Экзекуція тянулась около часа. Когда затѣмъ ученики стали спускаться съ крыльца, а чрезъ нѣсколько минутъ появились и на квартиру, то помню, что никто изъ насъ не рѣшился разспрашивать, и мы молча пошли въ комнату. Къ этому времени хозяйка подала намъ ужинъ, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ пришедшими, но никто не прикасался къ пищѣ. Всѣмъ было не по себѣ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ одинъ изъ наказанныхъ Г. заплакалъ навзрыдъ и привелъ всѣхъ насъ въ оцѣпенѣніе. Никто не рѣшился разспрашивать, и всѣ немедленно молча легли спать. Только на другой день послѣ обѣдни мы узнали, что ученику В. дано было 200 розгъ, Б. 180, Г. 120 и Ш. 100, причемъ удары наносились двумя сгорожами со всей силой, такъ какъ смотритель, замѣтивъ, что одинъ изъ сторожей наносилъ слабые удары, выхватилъ у него розгу и сильно ударилъ его. Тогда сторожа, изъ страха побоевъ, стали сѣчь немилосердно. Послѣ этого случая между учениками стали ходить слухи, что смотритель будетъ уволенъ. Вскорѣ къ намъ на квартиру пріѣхалъ отецъ одного изъ наказанныхъ, священникъ Ш., и отъ него мы узнали, что онъ подалъ жалобу на смотрителя и надѣется, что онъ будетъ уволенъ. Вскорѣ послѣ этого въ училищѣ произошелъ пожаръ:

сгорѣло два училищныхъ зданія, изъ которыхъ въ одномъ помѣщалась больница, а въ другомъ классы и три жилыхъ комнаты. Дѣло было осенью, и бурсаковъ пришлось размѣстить въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ и приспособить для жилья подвальное помѣщеніе, гдѣ раньше помѣщались птицы и разныя вещи. По случаю пожара пріѣхалъ въ училище ректоръ семинаріи, обходилъ всѣ классы и видимо не щадилъ смотрителя. Послѣ отъѣзда ректора, слухи объ увольненіи смотрителя еще болѣе усилились, но тѣмъ не менѣе прошелъ учебный годъ, и мы разѣхались по домамъ при томъ-же смотрителѣ. Послѣ каникулъ я перешелъ въ другое училище и только здѣсь узналъ, что смотритель Приворотскаго училища В. уволенъ и назначенъ священникомъ въ сосѣдній городъ. Какъ оказалось, все дѣло двинулъ отецъ высѣченнаго Ш., который добился назначенія формальнаго слѣдствія, даваго неблагоприятные результаты для смотрителя и рѣшившаго его судьбу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и училище по прежнему остается въ томъ же селѣ Приворотѣ. Хотя Синодъ, вслѣдствіе ревизіи одного изъ ревизоровъ учебнаго комитета, предписалъ перевести это училище въ другую мѣстность но, по представленію мѣстнаго начальства, исполненіе этого указа отмѣнено

Правда, теперь всѣ своекоштные ученики живутъ въ общежитіи и училищный строй принаровленъ къ современнымъ требованіямъ, но тѣмъ не менѣе условія глухой деревни, лишенной самыхъ примитивныхъ удобствъ, необходимыхъ для воспитательнаго учрежденія, неизбѣжно сказываются и теперь.

М. Трублаевичъ.

